

применительно к звонким согласным и гласным использовался метод, основанный на функции автокорреляции, а для обнаружения хезитационных участков применительно к глухим согласным — метод полосовой фильтрации. Для экспериментов по обнаружению заполненных пауз и «растяжек» использовался специально собранный корпус спонтанных диалогов на русском языке (например, описание маршрута по карте и др.). Точность выявления озвонченных заполненных пауз и артикуляционных «растяжек» составила 80 %, оглушенных — 66 %.

Целью доклада З. Зайича, Я. Зелинки, Я. Ванека и Л. Мюллера (Чехия) «Сверточная нейронная сеть для уточнения диктор-адаптивной трансформации» является обсуждение метода уточнения акустической модели речи диктора с помощью сдвига линейной регрессии максимального правдоподобия (MLLR) в случае ограниченного количества данных по адаптации, что может привести к неполным матрицам преобразований. Предлагается метод подавления

влияния плохо оцененных параметров преобразования с использованием искусственной нейронной сети (ANN), в частности сверточной нейронной сети (CNN). Плохо оцениваемое преобразование сдвига MLLR распространяется через ANN (заранее прошедшую соответствующее обучение), а выходные данные сети используются в качестве новой уточненной трансформации. Для обучения ANN в качестве входных и выходных данных ANN используются полные и неполные преобразования сдвига MLLR соответственно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Proceedings 2014 — Proceedings of the 16th International Conference on Speech and Computer, SPECOM, 2014, ser. Lecture Notes in Artificial Intelligence (including subseries Lecture Notes in Computer Science), 8773 LNAI. Ronzhin A., Potapova R., Delic V. (eds). Cham: Springer International Publishing, 2014.

Конференция «Системные изменения в языках России»

Мария Юрьевна Пупынина^{a,®},
Аржаана Александровна Сярун^a

^aИнститут лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия; [®]pupynina@gmail.com

16—18 октября 2014 г. в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований прошла конференция «Системные изменения в языках России», организованная отделом языков народов России ИЛИ РАН.

Общая тематика докладов естественным образом распределилась по двум направлениям. Первое направление касалось диахронического исследования изменений в системе одного языка. Как правило, в докладах такого плана обсуждались вопросы грамматикализации или изменений в синтаксисе рассматриваемых языков. Поскольку многие из языков, данные о которых были представлены на конференции, до XX в. были бесписьменными, диахронический анализ охватывал сравнительно небольшой период времени. В других докладах диахрония в расчет не принималась; основное внимание было уделено рассмотрению

International conference «System changes in the languages of Russia»

Maria Yu. Pupynina^{a,®},
Arzhaana A. Syuryun^a

^aInstitute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia; [®]pupynina@gmail.com

реализаций какого-то лингвистического факта по близкородственным идиомам и их сопоставлению. Очевидно, что языки, не имеющие «живых» и/или хорошо описанных родственников, могут быть проанализированы только первым способом, а второй вариант анализа является единственно возможным для изучения системных изменений в языках без письменной традиции.

Выступления были основаны на достаточно пестром языковом материале: привлекались данные нескольких языковых семей; были охвачены языки различного уровня сохранности — от алеутского и ительменского, насчитывающих менее десятка носителей, до тувинского и якутского, на которых говорят десятки тысяч человек.

Много докладов было представлено по языкам, относящимся к алтайской макросемье. Так, четыре выступления были посвящены тунгусо-маньчжурским языкам.

В докладе Е. В. Перехвальской и Н. Я. Булатовой (Санкт-Петербург) был представлен контрастивный анализ особенностей маркирования прямого объекта в двух тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийском и удэгейском. К схожим чертам в маркировании основных актантов в этих языках относятся, в частности, наличие личного и неличного склонений и особых «возвратных форм» аккузатива. Основные различия авторы связали с неодинаковым количеством падежей в языках и распределением их функций. С. А. Оскольская (Санкт-Петербург) и Н. М. Стойнова (Москва) представили результаты изучения показателя рефактива в тунгусо-маньчжурских языках, который активно используется в южных тунгусо-маньчжурских и менее продуктивен в северных тунгусо-маньчжурских языках. По итогам исследования тунгусо-маньчжурские языки были разделены на три группы по продуктивности показателя и регулярности взаимодействия показателя с глагольными основами. А. М. Певнов (Санкт-Петербург) рассказал об особенностях проявления депалатализации в орокском языке. В орокском депалатализация является законом с некоторыми исключениями, а в остальных языках тунгусо-маньчжурской семьи она допустима лишь в редких случаях. Автор высказал некоторые предположения о причинах этого явления, а также о возможном контактном воздействии орокского на один из диалектов нивхского языка, в котором также засвидетельствована не свойственная нивхскому депалатализация. Доклад Б. Пакендорф (Франция) был посвящен системным изменениям в ламунхинском говоре эвенского языка, который значительно отличается от других диалектов эвенского. Сравнение ламунхинского говора с соседними диалектами и языками показало, что причинами изменений в говоре являются контактные влияния и независимые инновации. Примерами первых являются, в частности, полностью скопированные из якутского языка парадигмы должностного и ассертивного наклонений.

Ряд докладов освещал системные изменения, происходящие в тюркских и монгольских языках, распространенных на территории России.

А. Б. Шлуицкий (Москва) посвятил свое выступление изменениям, происходящим в области выражения собственно видовых значений в сибирских тюркских языках. Он рассказал, что в некоторых тюркских языках Сибири наблюдается аспектуальная нейтральность форм претерита и перфекта производных глаголов и, в зависимости от контекста, они могут выражать завершенную ситуацию. В аспектуальных

системах центрально-восточных и кыргызских групп тюркских языков автор наблюдает отклонение от тюркского стандарта и отмечает в них перестройку от словоизменительной системы к словоклассифицирующей. Доклад Д. Ф. Мищенко (Санкт-Петербург / Франция) был посвящен анализу процесса грамматикализации глаголов движения в башкирском языке. В тюркских языках источником развития грамматических значений у глаголов являются сложные глаголы. Автор отметила, что грамматикализации в аспектуальные показатели подвергаются глаголы движения с наиболее общей семантикой. На высокую степень грамматикализованности глагола указывает утрата собственной семантики, способность сочетаться с деепричастными формами от глаголов из широкого списка, способность сочетаться с собственной деепричастной формой и деепричастной формой от противоположного по смыслу глагола, а также неспособность вершинного глагола присоединять показатели актантной деривации или залога. Ф. Эбата (Япония) высказал предположение о том, что в якутском языке имеется не выделявшийся предыдущими исследователями показатель антикаузатива. Согласно традиции в якутской грамматике принято говорить о залоговых показателях рефлексива и пассива. В якутском языке показатель рефлексива *-(i)n* выражает рефлексивное и антикаузативное значение. Считается, что показатели пассива *-ilin* и *-n* являются алломорфами. Однако, проанализировав свой материал, автор предложил считать показатель пассива *-n* алломорфом рефлексива, выражающим антикаузативное значение. Из этого следует, что в якутском языке имеется три залоговых показателя: рефлексив *-(i)n*, антикаузатив *-(i)n*, пассив *-ilin*. А. А. Сюрюн (Санкт-Петербург) рассмотрела случаи удвоения показателей посессива и датива в речи носителей тувинского языка. Данное явление было зафиксировано не только в речи детей. Взрослые также допускают такую «оговорку», что может свидетельствовать о тенденции к изменениям в посессивной и падежной системах тувинского языка. Доклад В. В. Барановой (Санкт-Петербург) был посвящен одному из монгольских языков — калмыцкому. В данном языке имеются четыре неродственных (*uga*, *bišə*, *esə* и *biča*) и два дополнительных стяженных варианта (*-go*, *-šə*) показателей отрицания. Автор отметила, что носители калмыцкого языка осознают стяженные формы как синонимичные полным, в литературе же они упоминаются как взаимозаменяемые варианты. Однако, несмотря на это, существует тенденция к их распределению.

Часть докладов была представлена специалистами, занимающимися языками Центральной и Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, условно относимыми к палеоазиатским.

Несколько докладов было посвящено системным изменениям в структуре различных чукотско-камчатских языков — как правило, речь в них шла о грамматикализации. Доклад А. А. Мальцевой (Новосибирск) был посвящен грамматикализации морфем с семантикой начала действия в чукотско-камчатских языках, а М. Ю. Пупыниной (Санкт-Петербург) — грамматикализации связочного глагола *wa-(-twa-)* ‘быть, находиться’ в чукотском языке. Юкари Нагаяма (Япония) в своем выступлении рассказала о грамматикализации некоторых легко инкорпорируемых корневых морфем в алюторском языке — например, таких как *ɲav-* ‘женщина’, *k-* ‘ребенок’. А. П. Володин (Санкт-Петербург) рассмотрел различные варианты показателя конъюнктива в чукотско-камчатских языках. Представленные данные свидетельствуют в поддержку гипотезы о том, что ительменский язык не является родственным чукотско-корякским языкам (чукотскому, корякскому, алюторскому, керекскому), а сходство между ними — результат контактных влияний. А. П. Володин полагает, что в форму конъюнктива из чукотско-корякских языков были заимствованы только показатели лица, а видо-временные противопоставления, свойственные именно ительменской системе, контактными процессами затронуты не были. В докладе Е. В. Головки (Санкт-Петербург) было проанализировано несколько морфем, недавно возникших в ряде диалектов алеутского языка. Приведенными примерами автор доказывает, что именно сопоставление данных различных параллельных диалектных форм вкупе с анализом вариативных форм внутри одного диалекта может помочь «поймать» промежуточные между синхронией и диахронией случаи, т. е. более четко прочертить границу между синхронным и диахроническим анализом. Ику Нагасаки (Япония) предложила гипотезу развития юкагирского релятивизирующего показателя *-je*. Вероятно, этот показатель ранее оформлял номинализации, что засвидетельствовано в текстах, записанных на рубеже XIX и XX вв. Докладчик указывает также, что развитие показателя от номинализации в сторону релятивизации — нередкий кросслингвистический паттерн. В докладе Ю. Галяминой и В. Андриянец (Москва) был поднят вопрос о том, как диахроническая фиксация фактов языка может помочь в разрешении споров о наличии/отсутствии падежной

системы в кетском языке. Многие аргументы, приведенные в пользу гипотезы об отсутствии такой системы, чаще иллюстрируются текстами 50—60-х гг., чем современными материалами, т. е. можно говорить о медленном формировании системы падежей, начавшемся около полувека назад.

Следующая обширная группа докладов была подготовлена исследователями-уралистами.

Несколько выступлений было посвящено селькупскому языку. В докладе А. Ю. Урманчиевой (Москва / Санкт-Петербург) была рассмотрена глагольная система плохо описанного южноселькупского диалекта в сопоставлении с более архаичной системой северноселькупского (тазовского) диалекта. Автор представила результаты анализа обширного южноселькупского текста, продемонстрировав на большом количестве примеров изменения, произошедшие с рядом южноселькупских глагольных форм. В частности, в южноселькупской системе инферентивный показатель получил перфектно-результативное значение и в ряде случаев используется как основная нарративная форма, вытеснив из этой функции аорист. Северноселькупская форма будущего времени употребляется только в значении дезидератива, а оптатив, наоборот, расширен до будущего времени. Лексическим заимствованиям из русского языка в южные диалекты селькупского языка было посвящено исследование С. В. Ковылина (Томск). О. А. Казакевич (Москва) рассмотрела распределение стандартных и нестандартных форм глагольной отрицания по северным селькупским говорам. Самодийская тематика была продолжена в докладе Л. Лейсиё и Т. Салминен (Финляндия) «Системные изменения в ненецком и нганасанском языках», в котором были рассмотрены изменения значений некоторых падежных показателей по различным диалектам этих языков. И. П. Сорокина (Санкт-Петербург) рассказала о самодийских послелогах, которые возникли в результате грамматикализации существительных. В докладе были также представлены дальнейшие этапы перехода послелогов в разряд словоизменительных и словообразовательных показателей. Системные изменения в синтаксисе придаточного предложения в восточнохантыйских диалектах были продемонстрированы в докладе О. С. Потаниной и А. Ю. Фильченко (Томск). Например, в записях васюганского диалекта, сделанных в начале текущего века, фиксируется указательное местоимение, вводящее относительные придаточные предложения, в то время как ранее при вводе таких придаточных использовалась

лакунарная стратегия. Г. А. Некрасова (Сыктывкар) рассказала о процессе грамматикализации пространственных послелогов в языке коми. Выяснилось, что в ряде случаев послелог изначально возникали в результате калькирования моделей русских послелогов. Н. В. Кузнецова и Д. В. Сидоркевич (Санкт-Петербург) исследовали феномен глухих гласных в двух прибалтийско-финских идиомах: нижнелужском диалекте ижорского языка и контактном финско-ижорском говоре Омской области. Противопоставление модальных и глухих гласных — типологически редкое явление, которое, тем не менее, с уверенностью фиксируется в указанных идиомах, несмотря на то, что глухие гласные редуцированы и часто выпадают в спонтанной речи (в соответствии с типологической тенденцией). Материал прочих прибалтийско-финских языковых вариантов позволяет проследить исходную точку развития и конечную точку утраты глухих гласных и дает возможность создать структурную модель развития прибалтийско-финских глухих гласных, которая и была представлена в докладе. Ф. И. Рожанский и Е. Б. Маркус (Москва/Эстония) рассказали о том, как системные изменения в фонетике могут привести к изменениям на других уровнях языка (фонологическом, морфонологическом, морфологическом). В качестве иллюстрации было представлено несколько примеров из водского языка — в частности, было показано, как под влиянием перехода количественного противопоставления конечных гласных в качественное произошли значительные изменения в падежной системе некоторых водских говоров. В докладе М. З. Муслимова (Санкт-Петербург) были подробно представлены фонологические и морфонологические изменения в войлахтском говоре вепсского языка, длительное время находящемся в тесном контакте с русским языком.

В двух выступлениях были представлены материалы по языкам индоиранской ветви индоевропейских языков.

Доклад А. П. Выдрина (Санкт-Петербург) был посвящен косвенной речи в осетинском языке, в т. ч. описанию функций грамматикализованного показателя *зæгъгæ*, который вместе с частицей *дæм* является основным маркером осетинской косвенной речи. Он отметил, что косвенная речь в осетинском только начинает формироваться. Ее характерные особенности заключаются, например, в необязательности парафразов и в отсутствии сдвига местоименного дейксиса. Интересное объяснение возникновения конструкций будущего времени предложено в выступлении К. А. Кожанова

(Москва), посвященном развитию сложного будущего времени в языке русских цыган. В частности, большое внимание в докладе было уделено типологически необычному случаю грамматикализации глагола *лæлæ* 'брать, взять' в качестве вспомогательного в конструкциях будущего времени. Кожанов предлагает аргументированную гипотезу, согласно которой такое сложное будущее развилось, копируя конструкцию с глаголом 'возьму', широко распространенную в языках восточных славян на момент первого контакта с цыганами (XV в.).

Один доклад включал данные по системным изменениям в одном из представителей нахско-дагестанской семьи: Т. А. Майсак (Москва) рассказал о результатах контактного влияния азербайджанского языка на удинский язык. Примером такого влияния может служить заимствование полифункционального показателя условного наклонения *=sa*. Глубина контактного воздействия азербайджанского на удинский проявляется в том, что была заимствована не деривационная, а словоизменительная морфема. В результате произошли изменения в структуре удинского языка: с заимствованием азербайджанского *=sa* не только расширились функции показателя условного наклонения, но и появились отсутствовавшие в удинском грамматические модели, которые, однако, свойственны другим лезгинским языкам.

Большой массив данных, представленных на конференции, позволяет предполагать, что даже в языках, имеющих не более чем вековой период фиксации, при наличии достаточного большого количества текстов можно обнаружить некоторые весьма существенные структурные изменения.

Также по итогам конференции можно сделать вывод о том, что, возможно, для языков с хотя бы небольшой письменной традицией, с одной стороны, и наличием нескольких родственных идиомов, с другой стороны, изучение системных изменений было бы более продуктивным при совмещении двух стратегий анализа материала. Сопоставление записанных ранее материалов с современными (вкупе с наблюдением вариативности в рамках одного идиома в синхронном срезе), совмещенное с рассмотрением диалектного варьирования, может помочь сделать и более широкие заключения — например, вынести окончательный вердикт по поводу наличия/отсутствия в языке определенной грамматической категории, или же выявить некоторые промежуточные (между синхронией и диахронией) состояния языковой системы, происходящие у нас на глазах.